

Федора Ароновича Орлов
Сократ. Его жизнь и
философская деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175520

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

ГЛАВА I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Е. Н. Орлов
Сократ. Его жизнь и
философская деятельность

*Биографический очерк Е. Н. Орлова
С изображением бюста Сократа*

ГЛАВА I

Место Сократа в ряду великих личностей истории. – Его рождение и первоначальное образование. – Общественные влияния – политические и эстетические. – Вступление на философское поприще. – Его бедность и отношение к вопросу о насущном хлебе. – Его жена и отношение ее к Сократу. – Взгляд философа на софистов и денежные отношения между учителем и учениками. – Сенсационная внешность и манеры Сократа. – Обаяние его речей и личности. – Интеллектуальные его особенности. – Нравственные качества. – Довольствование малым и отсутствие аскетизма. – Взгляд на наслаждения и страдания. – Самообладание. – Мужество. – Цельность и исключительность его натуры. – Его “демон”

Среди всех великих личностей, которыми так богата была древняя Греция, вряд ли найдется одна, чье имя было бы более популярно, нежели имя Сократа. Почти 23 века промчалось с того момента, когда в тюремной келье, чуть-чуть озаренной догорающими лучами солнца, скончался афинский мудрец, ясный и спокойный, как летний вечер. Человечество с тех пор успело пройти длинный и тернистый путь, полный борьбы и увлечений, горя и радостей, поражений и торжества. Народы приходили и уходили, государства слагались и разрушались, и новые идеалы и новые интересы сменялись как в калейдоскопе, то появляясь на горизонте исторической жизни, то исчезая во мраке прошлого. Но ни эта бесконечная смена событий, ни даже вся длинная вереница великих мыслителей и поэтов, ученых и художников, общественных деятелей и моралистов, царивших над умами целых поколений, не могли ни на минуту заслонить от взоров человечества удивительный образ Сократа. Беспрецедентная чистота его нравственного облика, чисто эллинское единство его учения и жизни и полная гармоничность его поступков с мотивами, – все это сплетается в нем в одно неразрывное целое, подобно тем многообразным цветам, которые составляют солнечный луч. Биография, конечно, не панегирик, и действительно, нам придется указать на некоторые крупные недостатки в его учении и мирозерцании; но мы напрасно стали бы искать во всей галерее замечательных личностей истории другую, которая в нравственном отношении была бы так совершенна, как Сократ.

Сократ был сын Софрониска, бедного афинского ремесленника-ваятеля, и Фэнареты, повивальной бабки, которая была уже раз замужем до того и имела от первого брака сына Патрокла. Предание, в правдивости которого у нас нет основания сомневаться, уверяет нас, что род Софрониска был весьма древний и знатный и восходил к Дедалу, которому греческая мифология приписывала утверждение в Афинах различных искусств и ремесел и чей сын Икар сделал безумную попытку подняться на восковых крыльях к солнцу и стал через это олицетворением тщеты человеческих стремлений к божественному идеалу. Что Сократ родился в Афинах, – в этом нет никакого сомнения; но сам год рождения его до сих пор остался невыясненным. Одни полагают, что он увидел свет в 471 году до Р. Х., другие, – что в 469 году, а третьи утверждают даже, что в 468-м. Вторая из этих дат, однако, наиболее вероятна, так как в своей речи на суде, то есть в 399 году, Сократ, если верить Платону, заявлял, что он – 70-летний старик. Вообще же, первая половина его жизни – до вступления на поприще философской деятельности – нам мало известна, и только при помощи посторонних данных мы в состоянии кое-как дополнить наши скудные сведения об этом периоде Сократовой жизни. Так, например, мы почти ничего не знаем из того, чему и как он учился: мы лишь можем делать некоторые догадки на основании дошедших до нас сведений о положении образования в древних Афинах вообще. Семи лет, вероятно, он стал посещать школу, так как начальное образование было тогда для всех обязательное и начиналось именно с

этого возраста. Из истории Греции мы знаем, чему там учились: чтение, письмо и немного арифметики составляли единственные научные предметы тогдашних школьных программ; ни языки, ни география, ни история, ни естествознание, ни другие подобные отрасли знания, входящие в круг современного образования, тогда еще не существовали, а потому не могли и преподаваться. Вместо этого греческие мальчики и юноши обучались двум вещам, теперь почти совершенно изгнанным из программ наших общеобразовательных учебных заведений, – а именно: гимнастике и музыке. Древние общины не знали ни постоянных армий, ни подразделения народа на сословия гражданское и военное. Каждый член их так же свободно владел мечом или луком, как и плугом, и должен был ежеминутно быть наготове выступить в поход и защищать свое отечество с оружием в руках. Телесные упражнения поэтому везде в Древнем мире играли большую роль: это был предмет государственной необходимости; но еще большую роль они играли в Греции, – Спарте и Афинах, – где военное дело было поднято до степени искусства. Малочисленные, но стройные и дисциплинированные армии этих городов разбили наголову несметные, но дикие полчища персов, и этим они немало были обязаны своей научной системе гимнастики.

Музыка также имела значение более широкое, нежели теперь: она была не только одним из изящных искусств, способствующих всестороннему культурному развитию личности, но и учреждением общественной важности. Она была тесно связана со всей религиозно-нравственной системой, на которой покоилось греческое общество, и под ней подразумевалось не только пение и игра на инструменте, но и чтение и заучивание наизусть стихов из национальных поэтов, таких, как Гомер и Гесиод, – этих несокрушимых и чуть ли не главных авторитетов в области религии и морали. В сферу музыки входила также и пляска, которую сопровождали религиозные и другие процессии, занимавшие столь важное место в общественной жизни Греции.

Всеу этому, стало быть, должен был обучаться и Сократ, но, конечно, было бы печально, если бы образование его ограничилось одним этим. Плутарх, – или, скорее, псевдо-Плутарх – передает нам, что богатый Критон, впоследствии ученик и друг Сократа, встретившись с последним, тогда еще юношей, был так поражен его умом и дарованиями, что взял его из отцовской мастерской и послал за свой счет к лучшим учителям того времени. Достоверность этого рассказа, по хронологическим и другим соображениям, справедливо оспаривается; но тот факт, что Сократ еще в юные годы ходил слушать выдающихся философов и изучать под их руководством все высшие области тогдашнего знания, весьма вероятен. Он был довольно хорошо знаком с геометрией и астрономией и имел сносные знания по философии в системах Парменида, Гераклита, Демокрита, Анаксагора и Эмпедокла. Предпоследний даже, говорят, был его учителем, но насколько это верно, мы не беремся судить. Во всяком случае, ни этот философ, ни другие не сыграли в развитии Сократа большой роли. Греческая жизнь, как мы это увидим ниже, уже оставила далеко позади космофизические умозрения старых мыслителей, и Сократ напрасно искал у них ответа на возникшие в его голове вопросы. Он не нашел удовлетворения ни в одной из существовавших тогда школ и одинаково отрицательно относился и к Гераклиту, и к Демокриту, и к Пармениду, и к Эмпедоклу, считая их всех мечтателями, даром потратившими свои силы на предметы, недоступные нашему познанию и маловажные по своему практическому значению. Сократа воспитала сама жизнь: это была та школа, которая заменила ему всякую теоретическую подготовку и умственную дисциплину, столь важные в большинстве других случаев. То был один из самых замечательных моментов в истории европейского человечества. Персидские войны только что окончились, и Восток отступил перед объединенными силами Эллады, тогда впервые сознавшей свое расовое единство и общность своей культуры. Громадный подъем национального духа был непосредственным результатом этого создания, и одновременно с коренным переворотом в области экономических, политических и нрав-

ственных отношений страны последовал тот взрыв благороднейших эмоций и идей, который вызвал в свет беспримерный в истории расцвет поэзии и искусства во всех их формах. Читатель, любопытствующий поближе познакомиться с этой замечательной эпохой, должен обратиться к всеобщим историям Греции; здесь же мы можем лишь указать на те черты в условиях жизни того времени, которые не могли не иметь громадного *воспитательного* значения для развития Сократовой личности. Она стала слагаться в период, непосредственно следовавший за периодом освободительных войн: победоносный отголосок их не успел еще умолкнуть, и на подмостках жизни все еще подвизались герои незабвенных Марафона и Саламина. Афинам, родине Сократа, суждено было принять особенно деятельное участие в борьбе за национальное существование, и на них-то поэтому с наибольшей силой отразились все перемены, теперь происшедшие. Они достигли кульминационного пункта в своем политическом и гражданском развитии: все политическое здание сверху донизу было перестроено согласно требованиям новой жизни. За каждым свободным членом афинской общины был обеспечен максимум прав личных и гражданских, и, что не менее важно, пользование этими правами вменялось общественным мнением в обязанность каждому. Древние общества не знали принципа представительства, а считали за необходимое условие нормальной политической жизни и за единственную гарантию своей свободы личное участие граждан в отправлении политических функций. Сам державный народ в своей коллективной личности являлся законодателем, судьей и администратором, и нигде теория не реализовалась с большей полнотой, чем в Афинах. Народное собрание – агора – было высшим политическим органом страны: оно избирало должностных лиц, обсуждало внешнюю и внутреннюю политику, постановляло бюджет, издавало законы, отправляло правосудие и имело верховный надзор за администрацией, религией и общественной нравственностью. Такого рода политическая жизнь, естественно, являлась могучим фактором в развитии не только общественных инстинктов, но и целого ряда моральных и интеллектуальных качеств, вырастающих лишь на почве свободных гражданских отношений.

Но и помимо социальных влияний, афинская жизнь представляла столько стимулов, как ни одна историческая обстановка другого какого-нибудь народа. Эллинская культура достигла своего зенита. Искусство – пластика, живопись, поэзия и драма – сбросило стеснявшие его архаические формы и условности и предстало во всей красоте и грации идеализированной природы. Акрополь украсился благороднейшими произведениями человеческого гения в области архитектуры и скульптуры, а на подмостках народных театров происходили музыкальные и поэтические состязания и ставились бессмертные драмы Эсхила и Софокла. На площадях, рынках и улицах, под величественными портиками или под открытым небом, сверкающим южной синевой, собирались группы горожан и раздавались оживленные и меткие разговоры о высочайших проблемах жизни и искусства. Все кипело избытком сил, интеллектуальных и физических, идеи сталкивались и скрещивались, мнения сходились и шлифовались, и вся духовная жизнь билась ускоренным и горячим пульсом.

В такой среде вырос Сократ, и можно смело утверждать, что лучшей воспитательной обстановки было бы трудно желать. Он унаследовал от отца его ремесло, и вплоть до II века Р. Х. по дороге к Акрополю иностранцам показывали группу одетых в покрывала Харит (граций), которая приписывалась Сократу. У нас, в настоящее время, нет никакой возможности решить, в самом ли деле эта группа была его работой, но мы тем не менее вправе усомниться в этом, встречая многочисленные заверения, что он оставил свое ремесло рано и, по-видимому, никогда не чувствовал большой любви к нему. Что заставило его решиться на этот шаг, мы также не знаем. Сомнительные авторитеты передают, что 25 лет от роду он встретил Протагора, знаменитого философа того времени, который своими речами и идеями произвел такое сильное впечатление на его восприимчивую натуру, что Сократ решил посвятить себя исключительно философии. Особенно невероятного в этом ничего нет, как нет его в другом

предании, приписывающем решающее значение для мысли Сократа встрече его с Аспазией. Мы можем лишь оспаривать – что мы и делаем – факт *личного* влияния этих выдающихся фигур на Сократово миросозерцание и судьбу, но никак не их посредствующую роль в качестве представителей и основателей особых течений в афинской жизни и мысли той эпохи. Как мы это увидим ниже, Сократова философия была законным детищем своего времени, а потому являлась крестницей и Протагора, и Аспазии, и Продикка, и многих других великих деятелей, которым Сократ мог быть обязан своим развитием и без личного знакомства с ними. Как бы то ни было, Сократ довольно рано почувствовал стремление к философской деятельности, но только после долгой, почти 15-летней работы мысли, – о которой, к сожалению, до нас не дошло никаких сведений, – он решился вступить на публичное поприще в качестве учителя философии. Это не значит, конечно, что все эти годы он провел в совершенном уединении и неизвестности, разрабатывая свое миросозерцание, а затем, подобно Афине-Палладе, выскочившей в полном вооружении из головы Зевса, явился в одно прекрасное утро на городскую агору с готовою и стройною системою идей. Дело, вероятно, обстояло так, что, не бросая еще своей профессии, он все больше и чаще занимался проблемами философии, то раздумывая над ними за работою, то в свободное время делясь своими мыслями с друзьями. Так дело продолжалось, быть может, целые годы, но по мере того, как взгляды его прояснялись и определялись, подобно очертаниям материка среди спадающей воды, он все чаще осмеливался выходить на площадь, затрагивать разглагольствующих там риториков, диспутировать с ними и излагать свои мнения, свои идеи. Он все яснее и яснее начинал сознавать свое превосходство над соперниками, успех стимулировал его мысль и рвение, он становился популярен, его окружала толпа, – и, наконец бросив окончательно свое ремесло, он совершенно отдается своей новой деятельности. С тех пор он уже более не принадлежит себе, и к 430-му году, когда Сократу было уже около 40 лет, мы застаем его на том посту, на котором он геройски простоял до самого момента своей смерти. Во имя этой деятельности он забыл все и вся: и семью, и заботу о насущном хлебе, и ремесло, и политику. Он был беден: предание о том, что отец оставил ему землю и 80 мин деньгами (мина – 40 руб.), которые он отдавал в рост, мы можем, не колеблясь, причислить к клевете, которую так усердно распространяли после его смерти эпикурейцы и другие философские и политические его противники. Мы имеем точное свидетельство Ксенофонта, человека, который особенно близко стоял к философу, что все его имущество, недвижимое и движимое, вряд ли стоило больше пяти мин; да и сам Сократ с трогательной простотою заявляет на суде: “Моя работа так поглощает меня, что у меня нет времени ни заниматься вопросами политики, ни заботиться о своем материальном благосостоянии. Я – нищий благодаря моей покорности велениям Божества”.

Само собою разумеется, что такое отношение к “земным благам” не проходило ему даром. Судьба наградила его женою, вульгарность и сварливость которой доставили ей такую же громкую репутацию, как супружеские добродетели другой греческой женщине – Пенелопе. То была знаменитая Ксантиппа, ставшая притчей во языцех уже тогда и продолжающая быть таковою и поныне. Говорили, что у Сократа была еще одна жена – некая Миртона, дочь или внучка Аристиды: по одним источникам, философ был женат на ней до Ксантиппы, по другим – после нее, а по третьим – даже одновременно с нею; но предание это – столь очевидная нелепость, что новейшие биографы даже и не упоминают о нем. Во всяком случае, был ли женат Сократ однажды или дважды, или больше, – роль в его судьбе сыграла одна – бессмертная Ксантиппа. Как и многим другим женщинам в ее положении, ей тяжело было видеть, как муж во имя каких-то завиральных идей и понятных для нее, как китайская грамота, идеалов махнул рукой на хозяйство и семью, проводя целые дни на улицах в “бесплодных” разговорах и оставляя ее с тремя детьми не только без средств, но часто и без куска хлеба. Ее еще больше бесило, когда она видела других подобных ему

“болтунов” богатеющими день ото дня, в то время, как ее Сократ, ходивший в заплатанном хитоне, с гордостью идалго отказывался от подарков и помощи, которые ему так часто и так деликатно предлагались людьми различных положений – от Архелая, царя македонского, до собственных его учеников. Естественно, что она ему часто устраивала такие сцены, что он должен был бежать из дому, утешаясь лишь тем, что, перенося эти испытания, он приучается тем переносить другие, еще большие. Раз даже, говорят, она в сердцах облила его ушатом помоев, но философ только утерся, добродушно приговаривая, что такой катастрофы как раз и следовало ожидать, так как после грома всегда бывает дождь. Словом, Ксантиппа была в полном смысле этого слова “дома с мужем сатана”, но, к сожалению, она далеко не была ангелом и при людях: она не раз выгоняла из дому его учеников и друзей, осыпая их самой отборной бранью, на какую только способна вульгарная женщина. При всем том, мы не станем на нее негодовать, как это принято делать; напротив, мы отдадим ей полную справедливость за ее несомненную, хотя и своеобразную, любовь к мужу и детям, заботы о которых, быть может, занимали в ее уме больше места, нежели мысль о самой себе. Ксантиппа, в сущности, не была злой: она лишь не понимала Сократа и, не видя материальных, то есть денежных результатов его деятельности, естественно, восставала со всею силою своей узкой души против его “беспорядочного” образа жизни. Но в самом ли деле это уж такое крупное и – главное – редкое преступление, как на это принято смотреть? Несомненно, она не была идеальной женою – любящим другом и товарищем, соучастницей в работе мужа и прочее, и прочее; но много ли таких идеальных жен найдется теперь? Нынче мужей редко обливают грязною водою, но непонимание, равнодушие или черствость царят в настоящее время с такою же силою, как и прежде, и смотреть на Ксантиппу как на какое-то чуть ли не чудовище, по крайней мере, лицемерие.

С другой стороны, было бы странно, чтобы не сказать больше, упрекать Сократа за его небрежное отношение к жене и детям, как то делают некоторые биографы в своем рвении реабилитировать погрязшие репутации вроде Ксантипповой. Без сомнения, Сократ не был образцовым семьянином, но он был образцовым человеком, – а одно вполне стоило другого. Очень может быть, что, оставаясь при своем ремесле, он сумел бы довольно сносно примирить интересы семьи с требованиями долга перед обществом; но раз сознание этого долга настолько заполонило его ум, что оттеснило на задний план все прочее, даже благополучие его собственное и родных ему лиц, то нам следует скорее удивляться бескорыстию и благородству Сократа, нежели осуждать его равнодушие к требованиям практической жизни. Сделать же из своей деятельности карьеру или профессию, как то делали другие, или, по крайней мере, обставить ее так, чтобы она доставляла ему средства к жизни, было для него решительно невозможно: по его глубокому убеждению, взимание платы за преподавание или даже принятие добровольных подарков было одним из величайших актов безнравственности, какой только может совершить философ. Мы все знаем, какие страстные нападки со стороны Сократа, а еще больше Платона и Аристотеля, навлекали на себя так называемые софисты за то, что они взимали плату за слушание лекций и ставили ее непременно и предварительным условием допущения в число своих учеников. В наш век повторять стереотипные фразы о безнравственности, продажности и корыстолюбии софистов было бы верхом нелепости. Со времени Грота, – первого, кто осмелился поднять оружие в защиту этих людей, наши фарисейские причитания стали понемногу умолкать; но, с другой стороны, мы все же не должны упускать из виду той доли справедливости, которая заключалась в словах Сократа и Платона, когда они обвиняли софистов в торгашестве и бесстыдстве. Правда, в ту эпоху, о которой идет речь, экономические отношения Афин благодаря значительному разделению труда и системе рыночной отчуждаемости продуктов достигли такой сложности, что человек, отдававший все свои силы и время на преподавание философии, имел право, за неимением других средств к жизни, требовать от общества необходимой поддержки; но

то именно обстоятельство, что за такой поддержкой ему приходилось обращаться к лицам, приходившим его слушать, и являлось нравственной аномалией в глазах идеальных жрецов философии; они смотрели на денежные отношения между учителем и учеником как на постыдную торговлю священнейшим достоянием человеческой личности – его разумом и свободой. Обучать мудрости, то есть насаждать в сердца своих ближних нравственные идеалы и посвящать их в тайны природы и жизни, вменялось каждому человеку в долг, самый благородный и священный: отказаться от него или сделать его предметом купли и продажи казалось неслыханным преступлением. Что такого рода взгляды не были присущи одному Сократу и его последователям, а всему Древнему миру, где наемный труд в тех или других формах почти не существовал, мы видим, например, из того, что в Риме вплоть до I века Р. Х. адвокатский гонорар считался позорным; да и в наше время некоторые профессии, в частности врачебная или адвокатская, до сих пор сторонятся коммерческих сделок и не входят в круг рыночного спроса и предложения. Тем понятнее должно быть для нас негодование Сократа или Платона на софистов: явление было новое и казалось не лучшим, чем торговля телом какой-нибудь Федоры или Фрины. “Мы все знаем, Антифон, – говорит Сократ одному из своих друзей, – что мудростью, как и красотой, можно располагать двояко. Если женщина берет себе в друзья человека, которого она считает честным и хорошим, мы считаем ее также честной и хорошей; но если она продает свою красоту всякому, кто готов уплатить определенную цену, то мы называем ее проституткою. Точно так же и с мудростью: того, кто дружит с честным человеком и научает его всему тому хорошему, которое он знает сам, мы также называем честным человеком; но если кто, продает свою мудрость за деньги всякому, кто только готов ее купить, то он не что иное, как софист, – проститут философии”. Эти слова недвусмысленны, и было бы странно ожидать, чтобы Сократ, у которого, как ни у кого другого, слово и дело были органически связаны между собою, отступил от своих убеждений ввиду тех или иных практических соображений.

Итак, начиная со зрелого возраста, мы уже застаем Сократа подвизающимся в качестве учителя философии и нравственности. Как мы уже сказали, он никогда ничем другим не занимался – ни политическими, ни частными делами: последними он прямо пренебрегал, а первые считал менее важными, нежели те, которым он себя посвятил. Сократ почти никогда не выезжал из Афин: только раз отлучился он в поход, а другой – на Истмийские игры. Он не чувствовал влечения к природе и ее красотам, а предпочитал иметь дело с людьми, интересуясь ими не только как “документами”, но и как дорогими братьями, нуждающимися в умственном и нравственном просвещении. С раннего утра его можно было видеть на улице, у него не было определенного места и определенных собеседников для разговоров: он ходил куда попало: на рынок, на площадь, в какую-нибудь школу, в ближайшую лавку или мастерскую, – словом, повсюду, где только мог встретить людей, интересующихся вопросами философии и этики. Его окружали ученики, и к ним скоро присоединялись поклонники, знакомые или просто любопытствующие зеваки, привлеченные странным зрелищем и странными речами. Одна фигура и манеры Сократа способны были произвести сенсацию в небольшом городке Афины – центре и фокусе античной цивилизации со всем ее блеском и лоском и поклонением формальной красоте. Низкого роста, лысый, с раздутым животом, толстой и короткой шеей, выпученными глазами, толстыми губами и вздернутыми ноздрями, Сократ казался живым сатиром, сорвавшимся с пьедестала и внезапно появившимся среди богов. Он не любил изящных приемов, которыми блистали прочие учителя философии, он говорил резко и отрывисто, не закругляя периодов и не украшая их риторическими фигурами. Его речи были речами простолюдинов с их безыскусственностью, прямою, грубоватостью и иллюстрациями из обыденной жизни. С первой минуты поэтому он не мог нравиться, и ничего, кроме смеха, его вид и слова не возбуждали в новичке; но стоило только кому-нибудь – случайному прохожему, замешавшемуся в толпе, – немного прислушаться, и

улыбка сходила с его уст, и готовая насмешка застревала где-то глубоко в гортани: под этой непривлекательной словесной оболочкой он вдруг подмечал такую оригинальность мысли, такую смелость и широту идей, такую мощь логики, такую страсть – и все это подернуто неподражаемо тонкой иронией, – каких он не мог себе представить ни в одном человеке. Впечатление получалось огромное, и этот самый прохожий, который прежде натолкнулся на Сократа совершенно случайно, теперь отыщет его нарочно и станет в первые ряды толпы, чтобы поближе разглядеть это странное существо, чтобы не пропустить ни одного его слова и, быть может, даже, чтоб уловить удобный момент и самому заговорить с ним. И если только в душе этого прохожего теплилась искра любознательности и жажды к самосовершенствованию, он почувствует себя неудержимо привлеченным к этому волшебнику и, как бы очарованный таинственной силою речей; станет следовать за ним, как и многие другие. Вот что говорит в платоновском “Пире”, в присутствии самого Сократа, его бывший ученик, а ныне отщепенец Алкивиад, – человек, нелегко поддававшийся каким бы то ни было облагораживающим влияниям: “Я слышал немало ораторов, но ни один из них, даже самый лучший, не производил на меня особенного впечатления. Не то совсем, когда ты говоришь, Сократ: будь то мужчина, иль женщина, иль ребенок – все равно: ими всеми, когда они тебя слышат, или им передают хотя бы из третьих уст твои слова, овладевает какое-то неизъяснимое волнение и удивление. И я сам, если бы не боялся показаться вам, господа, слишком пьяным, готов был бы под клятву показать, как действуют на меня Сократовы слова: всякий раз, как я его слышу, мое сердце бьется во мне, как испуганное, и слезы льются ручьем из моих глаз. Я наблюдал – могу вас уверить – то же самое и у других. Я слышал Перикла и других красноречивых ораторов; я сознавал, что они говорят хорошо, но никогда не испытывал ничего подобного: они не волновали моей души, они не заставляли меня презирать себя за свою рабскую натуру. Но вот этот сатир, этот Марсий приводил меня в такое состояние, что я – ты это сам отлично знаешь, Сократ, – прямо чувствовал невозможность продолжать так жить, как я жил доселе, и я уверен, что не затыкай я ушей своих от его речей и не убегай я от его голоса, как от пения Сирены, меня постигла бы та же участь, что и многих других: я состарился бы, сидя у его ног... О, сколько раз, – заключает свою речь с каким-то воплем отчаяния этот отщепенец, – о, сколько раз желал я, чтобы он поскорее умер! Но вместе с тем я сознавал, что, умри он на самом деле, моему горю не было бы предела, – оно было бы глубже, нежели моя радость, и я сам не знал, чего желать!”

Велико, могуче должно было быть влияние Сократа на умы слушателей, чтобы даже такое неукротимое, испорченное сердце, как Алкивиада, трепетало и билось в его сетях, как только что пойманная птица!

Но не одними речами околдовывал мудрец. Тот же Алкивиад, сравнивая его со статуэтками Силенов, которые продавались во всех лавках и внутри которых, если их раскрыть, можно увидеть изображения богов, указал вместе с тем на тайну обаяния Сократовой личности: под этой уродливой и вульгарной оболочкой скрывалась такая мощная и в то же время уравновешенная натура, какая в представлении греков могла быть только у богов.

На первый взгляд Сократ может показаться холодным и бесчувственным – подобно стальной машине – мыслителем, проламывающим себе путь, не останавливаясь ни перед какими соображениями практического или сентиментального характера. Он редко входит в духовный мир своего собеседника и редко чувствует к нему ту симпатию, которая прощает чужие слабости и относится с уважением даже к предрассудкам. Собеседник был для него, прежде всего, больной пациент, которого надлежит вылечить во что бы то ни стало – даже вопреки его нежеланию, и извивается ли он от боли под клинической сталью, протестует ли он всеми фибрами своего окровавленного сердца, вырывается ли вместе с мертвым и живое мясо, – до всего этого Сократу нет дела: он продолжает оперировать подобно хирургу, безжалостно и бесстрастно вырезая мнения и верования, которые кажутся ему вредными и

ложными. С убийственной иронией осмеивал он священнейшие чувства человека, дерзкой и злорадствующей рукою сбрасывал он чужие идолы, попирая их ногами, и никогда не задумывался о том, что даже мучительную занозу следует вынимать со всею нежностью и мягкостью любящего сердца. Ввиду этого неудивительно, что некоторые биографы обвинили Сократа в сухости, черствости и недостатке воображения; но это значит, по нашему мнению, упускать из виду ту черту его духовной личности, которая лежит в основе всей его деятельности и жизни, и которая – как это ни покажется парадоксальным – является причиной всей кажущейся его бесчувственности. Великие мысли, как говорит Вовернаг, исходят из сердца, и подо льдом Сократовой мысли действительно текла горячая лава страсти. То была страсть его к истине – именно не любовь, а страсть, всепоглощающая, жгучая и ненасытная, для которой нет удовлетворения в самом обладании. Истина для Сократа была выше всего: он был ее раб, готовый в поисках ее стучать во все двери и лобызать следы ее ног. С настойчивостью пылкого юноши он следовал за нею повсюду – от храма богов до скромной обители ремесленника, – и каждый шаг, приближавший его к ней, казалось, еще больше разжигал его страсть, его желание ею обладать. Стремление его к истине было неуклонно, и где только знакомый облик вечно юной и вечно прекрасной возлюбленной мелькал перед его взором, он забывал все окружающее и отдавал ей все свои помыслы, все свое существо. Однажды под Потидеей, во время военной стоянки, он простоял целые сутки, от зари до зари, погруженный в мучительную думу: солнце взошло и закатилось, сумерки окружили его таинственной мглой, луна облила его своим серебристым сиянием, а он с поникшей головою все продолжал стоять на одном и том же месте, как неподвижная статуя, не замечая времени и не чувствуя ни холода, ни голода, ни утомления. Только когда занялась вторая заря, очнулся он от долгого своего забвения: занимавший его вопрос, очевидно, был наконец разрешен, и, подняв взор навстречу первым лучам солнца, он тихо совершил молитву и возвратился в свою палатку. Так властно царила над его душою истина, так беззаветно и неудержимо стремился он к ней! Нужно ли после этого удивляться его строгому и суровому отношению к другим? Истина – это солнце, все освещающее и все согревающее: стоит ли хлопотать и тужить о том, что чьи-то совиные глаза ослепляются и гады, живущие во тьме и сырости, издают хриплые протесты и корчатся от боли? Только потому, что он так пламенно любил истину, могла развиться в нем бесчувственность к страданиям греха и заблуждения: люби он ее меньше, он был бы и снисходительнее, и мягче, но не был бы тем, чем он был. Без сомнения, он многих оттолкнул и сделал врагами, но те, которые имели мужество простоять под его безжалостным ножом до конца, привязывались к нему, как к своему благодетелю, даровавшему им вторую и лучшую жизнь. Обратимся теперь к другим его особенностям, более популярным и более доступным поверхностному наблюдателю. Все свидетельства сходятся во мнении, что от природы он был страстным и даже склонным к чувственности, но все они в один голос восторженно заверяют, что ни один человек ни до, ни после него не выработал в себе такого самообладания, такого умения держать себя в узде, как Сократ. Он был так умерен в пище и питье, что все удивлялись, как он мог жить! Круглый год, невзирая на погоду, в сильную ли жару или трескучий мороз, он носил одну и ту же плохонькую одежду и ходил босой с непокрытой головою. Одаренный крепким и сильным организмом, он еще более закалил свое тело и мог переносить лишения и труды, как никто. Под Потидеей, когда афинская армия была отрезана от обозов и страшно страдала от голода, а морозы стояли такие суровые, что солдаты редко выходили из палаток и укутывали ноги мехом или соломой, один Сократ делал свое дело как ни в чем не бывало и босиком, в своем обычном хитонишке, маршировал по снегу и льду, как по зеленой траве. Вместе с тем он не был аскет: никто дальше него не мог быть от той уродливой морали, в которую так часто впадают другие моралисты схожих с ним взглядов. Он был сын своего времени, для которого земная жизнь не была ни испытанием, ни юдолью, а прекрасной вещью, которою следует пользоваться со

всею радостью и безмятежностью ребенка. И вино, и женщины, и песни имели для него, как и для Лютера, реальное значение, и если он все-таки настаивал на необходимости для всякого умерять свои желания и ограничивать свои нужды, то не из видов умерщвления плоти, как седалища греха, а потому, что считал внутренний мир человека важнее физического и внешнего. Первый должен быть независим от последнего, и, каковы бы ни были наслаждения и страдания, которые мы испытываем, мы не должны поддаваться под их влияние. А что другое может вести к таким результатам, как не постоянное и непрерывное упражнение в умеренности и самообуздании? Стать выше чувственных appetitов и господствовать над ними или даже поддаваться им, но по собственному желанию, – это высшая цель свободного человека, стремящегося к божественному идеалу. “Не нуждаться ни в чем, – говорил Сократ, – значит быть божеством, а нуждаться лишь в малом – значит наиболее близко походить на него. А так как божественная природа – совершенство, то приблизиться к ней – значит приблизиться к совершенству”. Он сам и был близок к этому идеалу, – не столько тем, что, живя малым, он, по словам Ксенофонта, жил вместе с тем как бы в достатке, сколько тем, что умел сохранять ясность и невозмутимость духа при всевозможных обстоятельствах. Он, например, редко пивал, но когда уж пил, то пил, как никто, и в то время, как его собутыльники валялись под столом, он один, несмотря на то, что выпил больше всех, оставался трезв с такой же спокойной и ясной головой, что и прежде. Это было то самообладание, та ровность настроения, которой не могла не удивляться сама Ксантиппа. “Он у меня всегда возвращается домой, – говаривала она своим соседкам, – точно с таким выражением лица, с каким уходил”. И, конечно, лучшей похвалы нельзя и ожидать.

Рядом с этим самообладанием стоит его мужество. Как мы выше уже указали, он далеко не был нечувствителен к удовольствиям и страданиям нашего бренного тела; напротив, он охотно шел навстречу первым и не менее охотно избегал вторых. Но он умел придавать им должную цену по отношению к духовному своему миру, и там, например, где наслаждения грозили чистоте его нравственного самосознания или страдания являлись неизбежным условием сохранения ее, он умел спокойно, без дальнейших размышлений, без внутренней борьбы уклониться от одних и встретить лицом к лицу другие. Такого рода положения вовсе не представлялись ему дилеммами, как они представлялись и представляются большинству человечества: самой мысли о выборе не существовало для него, – тем менее о компромиссе. Отсюда-то его мужество, непоколебимое, спокойное, сознательное и, вместе с тем, без рисовки, которое с такою силою действовало на воображение его современников. Его хладнокровное и бесстрашное поведение на войне – в сражениях под Потидеей, Делием и других – вызывало всеобщее удивление и похвалы; но еще больше – его стойкость при столкновениях с народом и тиранами. Об этих двух замечательных случаях из его жизни стоит рассказать, так как они чрезвычайно ярко иллюстрируют данную выше характеристику Сократа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.